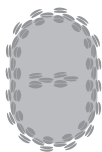

> МАГИСТРАЛЪ >

МИЛОРАД ПАВИЧ

Запись под знаком
Девы

Москва

УДК 821.163.41-3
ББК 84(4Серб)-44
П12

Milorad Pavic

GVOZDENA ZAVESA

© Jasmina Mihajlović, 2011 + www.khazars.com

Перевод с сербского *Ларисы Савельевой*

Художественное оформление *Натальи Портняной*

Павич, Милорад.

П12   Запись под знаком Девы / Милорад Павич ; [перевод с сербского Л. Савельевой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 256 с.

ISBN 978-5-04-210615-6

Милорад Павич — прозаик, которого критики называли «первым писателем XXI века». В сборнике «Запись под знаком Девы» мистика переплетается с магическим реализмом и историей Сербии, превращая каждый рассказ в загадку.

Вам предстоит отправиться в путешествие на грани сна и реальности. В этом видении греческий монах исцеляет от больных снов. Пятеро мужчин и две женщины неподалеку от своих домов обнаруживают занавес, а за ним — толпу, глазеющую на них. В заросшем римском амфитеатре притаились духи, ждущие кровопролития. А герой пишет письмо, адресованное мертвым.

УДК 821.163.41-31
ББК 84(4Серб)-44

© Савельева Л. А., перевод
на русский язык, 2026
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-210615-6

ВЕДЖВУДСКИЙ ЧАЙНЫЙ СЕРВИЗ

В истории, которая здесь рассказана, имена героям будут даны не в начале, а в конце повествования.

* * *

Я познакомился с ней на математическом факультете столичного университета через моего младшего брата, который изучал филологию и военное дело. Она искала напарника, чтобы вместе готовиться к экзамену «Математика. Часть I», а так как она была парижанкой, в отличие от меня, приезжего, у нас была возможность заниматься в большой квартире ее родителей. Каждый день рано утром я проходил мимо принадлежавшего ей блестящего автомобиля марки «Лейланд Буффало». У подъезда я нагибался, отыскивал какой-нибудь

камень и клал его в карман, а потом нажимал кнопку звонка и поднимался наверх. Я не брал с собой ни тетрадей, ни книг, ни чертежных инструментов — у нее всегда было все, что нужно для работы. Мы занимались с семи до девяти, в девять нам приносили завтрак, потом мы продолжали занятия до десяти, а с десяти до одиннадцати повторяли пройденное. Все это время я держал в руке камень, который, в случае если я задремлю, должен был упасть на пол и разбудить меня, пока никто ничего не заметил. После одиннадцати я уходил, а она продолжала учиться одна. Мы готовились к экзамену каждый день, кроме воскресенья, но она занималась и по воскресеньям тоже, в одиночку. В результате вскоре стало очевидно, что я от нее отстаю и разрыв в наших знаниях становится все больше и больше. Она думала, что я ухожу от нее так рано именно потому, что хочу самостоятельно выучить то, что пропустил, однако со мной она об этом никогда не заговаривала. «Каждый должен как червяк сам проедать себе дорогу», — думала она, полагая, что, читая наставления другим, сам умнее не станешь.

В сентябре пришло время сдавать экзамен. В назначенный день мы договорились встре-

титься заранее и пойти на факультет вместе. Она волновалась, и ее не особенно удивило то, что я не пришел ни на эту встречу, ни на экзамен. Только потом она задумалась, что же могло со мной случиться. А я не появлялся до самой зимы. «Не каждой букашке дано мед собирать, — решила она, но тем не менее иногда все-таки вспоминала обо мне и тогда думала: — Интересно, чем же он теперь занимается? Видно, он из тех, кто покупает свою улыбку на Востоке, а продает ее на Западе, или наоборот...»

Когда пришло время готовить «Математику. Часть II», она как-то утром неожиданно столкнулась со мной на факультете и стала с интересом рассматривать новые заплатки на моих локтях и новые волосы на моей голове, отросшие за то время, пока мы не виделись. И все пошло по-старому. Каждое утро я приходил в определенное время, она спускалась ко мне сквозь зеленый слоистый воздух, словно шла через реку, в которой струятся теплые и холодные течения, открывала мне дверь и, хотя была еще совсем сонной, смотрела на меня тем своим взглядом, от которого разбиваются зеркала. Она наблюдала, как я выжи-

маю бороду шапкой и как снимаю перчатки. Соединив средний и большой пальцы, я энергично встряхивал кистями, так что обе перчатки выворачивались наизнанку и одновременно слетали с рук. Стоило мне с этим покончить, как мы без промедления приступали к работе. Она была полна решимости заниматься изо всех сил и занималась так ежедневно. С неутомимой волей и систематичностью и никогда не пропуская ни одной мелочи, она вникала во все детали изучаемого предмета — и утром на свежую голову, и после завтрака, и даже тогда, когда занятие подходило к концу и работа продвигалась медленнее. Я по-прежнему покидал ее дом в одиннадцать часов, и она снова замечала, что я рассеян, что уже через час мои глаза стареют и что я опять начинаю от нее отставать. Она наблюдала за моими ногами, одна из которых всегда стремилась сделать шаг, а другая оставалась совершенно спокойной, после чего они менялись ролями.

Когда пришло время январской сессии, она почувствовала, что я не готов сдавать экзамен, но ничего не сказала, считая, что тут есть и ее вина. В конце концов она решила про себя: «Не должна же я ему локти целовать, чтобы он

занимался? Каждый делает что ему нравится, так что пусть он хоть хлеб у себя на голове режет...»

Узнав, что и на этот раз я не явился на экзамен, она все-таки задумалась и пошла посмотреть список студентов, чтобы узнать, не назначено ли мне на другое время или другое число. К ее великому удивлению, моей фамилии вообще не было в списке ни на этот, ни на какой бы то ни было другой день сессии. Более того, стало очевидно, что я и не должен сдавать эти экзамены.

Когда мы увиделись снова, в мае, она учила «Напряженный бетон», и мы опять стали заниматься вместе, словно ничего не случилось. Так мы провели всю весну, а когда началась июньская сессия, она уже заранее знала, что я и в этот раз не приду на экзамен и что теперь мы не увидимся до осени. Она задумчиво смотрела на меня своими прекрасными глазами, поставленными так широко, что между ними мог бы поместиться рот. И действительно, все вышло как всегда. Она сдала «Соппротивление материалов», а я даже не появился на экзамене.

Когда, довольная своим успехом и озадаченная моим поведением, она вернулась

к себе домой, то наткнулась на мои тетради, которые я накануне в спешке оставил у нее, и нашла среди них мою зачетку. Машинально открыв ее, она с изумлением обнаружила, что я вообще не должен изучать математику, так как не являюсь студентом математического факультета, что учусь я на другом факультете и там сдаю все экзамены своевременно. Она вспомнила бесконечные часы совместных занятий, которые требовали от меня стольких бессмысленных усилий и бесцельной траты времени, и задала себе неизбежный вопрос: ради чего? Ради чего я проводил с ней столько времени, изучая предметы, которые меня совершенно не интересовали и которые я не должен был сдавать? Размышляя обо всем этом, она пришла к единственному заключению: всегда следует иметь в виду и то, о чем не говорится вслух, — видимо, дело было не в экзаменах, дело было в ней. И кто бы мог подумать, что я настолько застенчив, что в течение нескольких лет скрывал свое чувство. Она тут же отправилась ко мне, в комнату, которую я снимал вместе с несколькими студентами из Азии и Африки, и была поражена той бедностью, которую обнаружила. Там она узнала,

что я уже уехал домой. Ей дали мой адрес, и она, недолго думая, села в свой «Буффало» и направилась в небольшой городок недалеко от Салоник на берегу Эгейского моря, решив про себя, что будет держаться со мной так, как будто ничего особенного не произошло.

В сумерках она подъехала к указанному ей дому. Он находился на берегу, двери были распахнуты настежь, рядом с домом стоял большой белый бык, привязанный к воткнутому в землю колу, а на кол была надета буханка свежего хлеба. В доме была кровать, на стене икона, а под иконой — какая-то красная кисточка, камень на шнурке, юла, зеркало и яблоко. На кровати, опершись на локоть, спиной к окну лежала молодая обнаженная особа с длинными волосами и телом, опаленным солнцем. По спине, мягко изгибаясь, шла глубокая ложбинка, спускавшаяся к бедрам, прикрытым грубым солдатским одеялом. Казалось, что девушка в любой момент может повернуться, и тогда станет видна ее грудь, выпуклая, крепкая и блестящая в вечернем свете. Но когда это случилось, она обнаружила, что в кровати не женщина. Там лежал я, облокотившись на одну руку и жуя свои усы,

пропитанные медом, потому что это было моим ужином. Я увидел ее и пригласил войти, и она поначалу никак не могла освободиться от первого впечатления, когда ей показалось, что в кровати лежит женщина. Но вскоре и это впечатление, и усталость от долгого пути исчезли. Она получила на ужин в тарелке с зеркальным дном двойную порцию — одну для себя, а другую для своей отраженной в зеркале души. Там были фасоль, грецкие орехи и рыба, а перед тем, как приступить к еде, она, так же как и я, положила под язык маленькую серебряную монетку, которую держала во рту все время, пока мы ели. Таким образом насытились все четверо: она, я и две наши души в зеркалах. После ужина она подошла к иконе и спросила меня, что это такое.

— Телевизор, — ответил я ей. — Или, иными словами, окно в тот мир, где пользуются математикой, которая отличается от твоей.

— Как это? — спросила она.

— Очень просто, — сказал я, — механизмы, самолеты и машины, созданные на основании твоих квантитативных математических расчетов, опираются на три элемента, которые абсолютно не поддаются исчислению. Это

единица, точка и настоящий момент. Только сумма единиц составляет количество; единица же никакому исчислению не подлежит. Что касается точки, то ввиду того, у нее нет никаких параметров — ни ширины, ни высоты, ни глубины, — ее нельзя ни измерить, ни сосчитать. Правда, мельчайшие частицы времени имеют свой общий знаменатель — это настоящее мгновение, но оно тоже лишено количественности и не поддается измерению. Таким образом, основные элементы твоей количественной науки представляют собой нечто, что по самой своей природе чуждо количественному подходу. Как же тогда верить такой науке? Почему механизмы, созданные по меркам всех этих количественных заблуждений, так недолговечны, почему живут в три или четыре раза меньше, чем люди? Посмотри, у меня тоже есть белый «Буффало». Только он сделан не так, как твой, спроектированный в Лейланде. Проверь, каков он, и ты убедишься, что кое в чем он превосходит твой.

— Он ручной? — спросила она с улыбкой.

— Конечно! — ответил я. — Давай, не бойся.

Она погладила большого белого быка, привязанного у дверей, и медленно взобралась ему

на спину. Я тоже сел верхом на него, спиной к рогам, и, глядя на нее, пустил быка вдоль моря так, что двумя ногами он ступал по воде, а двумя другими по берегу. Поняв, что я ее раздеваю, она в первый момент удивилась. Ее одежда, предмет за предметом, падала в воду, а потом и она стала расстегивать мою. Вскоре она уже скакала верхом не на быке, а на мне, чувствуя, что я становлюсь в ней все более тяжелым. Бык под нами делал то, что должны были делать мы, и она перестала различать, кто доставлял ей наслаждение — он или я. Сидя верхом на двойном любовнике, она видела сквозь ночную темноту, как мы проехали мимо рощи белых кипарисов, потом мимо людей, которые собирали на берегу росу и камешки с дыркой, потом мимо других, которые разжигали костры, чтобы сжечь на них свои тени, мимо двух женщин, кровоточащих светом, мимо сада длиной в два часа, где в первый час пели птицы, а во второй час спускался вечер, в первый час цвели фруктовые деревья, а во второй час ветры навевали снег. Потом она ощутила, как вся моя тяжесть перешла в нее, а пришпоренный бык резко повернулся и понес нас в море, отдавая во власть волн, которые должны были отделить нас друг от друга...

* * *

И все же она ни слова не сказала мне о своем открытии. Осенью она принялась готовиться к дипломному экзамену, и, когда я предложил ей заниматься вместе, она ничуть не удивилась. Как и раньше, мы зубрили каждый день от семи утра до завтрака, а потом до половины одиннадцатого, но теперь она уже не обращала внимания на то, хорошо ли я усваиваю материал, а я оставался у нее и после половины одиннадцатого, чтобы провести с ней полчаса без книг. В сентябре она сдала дипломный экзамен, и то, что я не пришел сдавать его вместе с ней, не стало для нее неожиданностью.

Неожиданностью стало то, что с тех пор она меня больше никогда не видела. Ни в тот день, ни в следующий, ни в последующие недели, ни в одну из дальнейших сессий. Никогда. Она удивилась и решила, что ошиблась в оценке моих чувств. Однажды утром она сидела в той комнате, где мы занимались в течение нескольких лет, и ломала голову, пытаясь додуматься, в чем же все-таки дело, и вдруг ее взгляд случайно упал на веджвудский чайный сервиз, который после завтрака остался сто-